

В.Г. Маранцман

«Зачем я жил? Для какой цели я родился?» («Фаталист»)

Чем не похожа последняя часть романа на предшествующие?

«Фаталист» на фоне панорамы событий романа выглядит странно. У Печорина здесь нет «друзей» и «врагов». Любовь низведена до быта. Мысли о судьбе и воле человека так занимают Печорина, что ему не до Насти, «хорошенькой дочки» урядника, у которого он живет. Печорин здесь освобожден от конкретных привязанностей, человеческих отношений. Речь идет о предметах более всеобщих, чем человеческие чувства, взаимоотношения, поединки с тем или иным кругом общества. Действие происходит «на левом фланге», опасность бродит рядом. Здесь, где близка граница жизни и смерти, возникает спор о том, что решает участь человека: его воля или судьба, предопределение, предписание сил, ему не подвластных.

Все персонажи новеллы делятся на верящих в судьбу и противящихся ей. К кому же относится название: Вуличу, Печорину, наконец, Максиму Максимычу с его простодушным разговором, завершающим роман?

Поначалу общество офицеров, обсуждающих «мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах», не склонно верить в предопределение. Вулич убеждает всех, даже Печорина, в обратном. Как же автор характеризует Вулича? Почему Печорин называет его «существом особенным»? Вулич по своей сосредоточенности на одной идее напоминает Сильвио из пушкинского «Выстрела», многие детали которого воскресают в «Фаталисте». Однако идея Вулича отвлеченнее, бесчеловечнее, чем страсть Сильвио. Вулич — игрок, постоянно испытывающий судьбу. И в картах, и в истории с пистолетом Вулич ищет власти над судьбой. Все остальное его не занимает. В этом причина его отчужденности от других людей, закрытости. В чем секрет его хладнокровия, когда под чеченскими пулями он отдает карточный долг? Бесстрашие Вулича объясняется не презрением к смерти, а почти гипнотической замороженностью одним вопросом, одной мыслью, которую ему важно решить, чтобы знать себе цену: «...может ли человек своевольно располагать своею жизнью или каждому из нас заранее назначена роковая минута». Рискуя жизнью, Вулич готов доказать Печорину, который утверждает, что предопределения нет, свою правоту. Но пари Вулича затеяно, конечно, не только для того, чтобы сделать Печорина фаталистом или приобрести над всеми «какую-то таинственную власть». Вулич себе хочет доказать, что судьба к нему все-таки благосклонна, хотя он в картах «обыкновенно проигрывал». «Постоянные неудачи только раздражали его упрямство». Вот это «упрямство» и заставило Вулича играть уже не с карманом, а с жизнью своею. Он очень доволен, получив в осечке пистолета признак благосклонности судьбы. Что же странно Печорину в поведении Вулича? После «победы» над судьбой репликой Печорина Вулич вновь возвращен к сомнению в своем счастливом жребии. Мгновенный переход от самодовольства к смущению и резкой сердитости выдает его неуверенность в себе.

Убедил ли действительно этот случай Печорина в том, что человек подчинен предопределению? Размышления Печорина под ночным небом, в котором как бы спорят меж собой «месяц, полный и красный, как зарево пожара», и спокойно сияющие на темно-голубом своде звезды, убеждают в том, что герой, на словах согласившийся с существованием фатума, проявленного как будто с совершенной очевидностью в испытании Вулича, продолжает сопротивляться этой идее: «Мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или какие-нибудь вымышленные права. И что

же? Эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником!»

Печорин не верит, что существует высшая сила, управляющая движениями людей. Природе нет дела до их радостей и страданий, и человеческое существование ничтожно мало в сравнении с ней, как случайно вспыхнувший огонек рядом с вечными звездами. Не веря в предопределение, Печорин здесь признает тщетность человеческой воли и тоскует по вере, одушевлявшей предков, убежденных, что мир участвует в их делах. Воля, действие оказываются возможными в человеке, у которого есть вера и цель. Потомки, не верящие в судьбу, не верят и в себя. И это для Печорина трагическое следствие эгоцентризма, позволяющего располагать своей жизнью. Парадокс обнаруживает горькую истину: люди, не признающие ничего более верховного, чем собственные желания, не обретают волю, а теряют ее: «А мы, жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждения и гордости, без наслаждения и страха, кроме той небольшой боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению...»

Это место романа наиболее близко «Думе» Лермонтова. И Печорин так же горько судит свое поколение, как поэт. Но, признав, что безверие оказывается роком, парализующим волю его современников, Печорин не подчиняется этому предопределению. Он постоянно берет решение в свои руки, испытывая все своим всепроникающим умом и подчиняя все своей воле. Это и делает Печорина героем времени в подлинном, а не ироническом смысле.

Осечка убедила всех, что есть предопределение, не позволившее Вуличу умереть. Но Печорин прочел в его лице близость смерти и угадал. Вулич убит пьяным казаком именно потому, что отрешенность или пришедшая к нему вера в счастливый жребий, в неуязвимость свою не позволила ему мгновенно понять ситуацию, ясно увидеть, кто перед ним. Почему Вулич спросил казака: «Кого ты, братец, ищешь?» Или он еще раз решил испытать судьбу? «Вулич шел один по темной улице; на него выскочил пьяный казак, изрубивший свинью, и может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: “Кого ты, братец, ищешь?” — “Тебя!” — отвечал казак, ударив его шашкой и разрубив его от плеча почти до сердца...» Это обращение «братец» — еще одно свидетельство рассеянности Вулича. Так не обращаются, если идут на риск, бросая вызов.

Итак, способность Печорина угадать судьбу Вулича отменяет таинственность предопределения. Последний эпизод новеллы — пленение пьяного казака окончательно убеждает в том, что Печорин бросает вызов судьбе, подчиняя, казалось бы, непреодолимо трудную ситуацию своей воле и расчету. Случай с Вуличем оказывается предлогом к поединку Печорина с судьбой: «В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу». Спор с судьбой идет не только у Печорина. Пьяный казак заявляет: «Не покорюсь!» В ответ на уговоры есаула быть честным христианином и покориться, потому что «ничего делать: своей судьбы не минуешь!» — казак упорно и грозно кричит свое: «Не покорюсь!» Это еще один вызов судьбе, пьяный и обреченный на неудачу. Бессилие толпы подчеркивает дерзость Печорина. Но его победа не случай, а точный расчет, ловкость, сила, ум. И потому, хотя внешне все выглядит фатально, Печорин так и не делается фаталистом: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера; напротив, что для меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает». Эта смелость, жажда неизведанного, воля, не ослабленная сомнением, отличают Печорина от людей его поколения и позволяют автору сочувственно следить за его судьбой и называть *героем времени*.